

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.251

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА В КОНТЕКСТЕ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

А. В. Ильиных

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

Ю. П. Кузнецов во многих отношениях непростой поэт. Еще при жизни автора не утихала полемика о месте его произведений в отечественном литературном процессе. Однако ценность его творчества, как и любого талантливого поэта, не ограничивается рамками исключительно русской литературы. Отдельные особенности поэзии Ю. П. Кузнецова указывают на необходимость рассмотрения его в контексте литературного явления, которое основывается на переплетении в сознании героев мифологического, мистического и реалистического типов мировосприятия, – магического реализма. В рамках данной статьи произведен анализ как отдельных произведений поэта, так и общих тенденций его творчества с точки зрения присутствия в них элементов магического реализма.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, русская поэзия XX века, мировая литература, магический реализм, мифологическое сознание, мотив сновидения, образ зеркала, фольклорные мотивы, христианство.

Юрий Кузнецов – поэт, чье творчество вызывало и продолжает вызывать противоречивые критические отклики, однако его ценность для русской литературы остается бесспорной и вызывает неподдельный интерес у исследователей. Рассматривая наследие Кузнецова в контексте «тихой лирики», литературоведы отмечают такие присущие ей особенности, как сознательное обнажение мифологических черт художественного мира, отсутствие элегической сентиментальности и трагичность. Говорят также о его «языческих, как бы донравственных, докультурных чертах» [8, с. 62]. Предпринимая попытку подойти к разгадке «тайны феномена Кузнецова» в своей статье К. Н. Анкудинов характеризует творчество поэта как «мифо-модернизм»: «Как это ни парадоксально, Юрий Кузнецов – “европейский поэт”. Его творчество восходит к направлению, которое было жестоко оборвано в русской литературе, но чрезвычайно широко развилось в литературах западноевропейских. Назову это направление “мифо-модернизмом”» [1, с. 144]. При этом исследователь указывает, что Кузнецов прежде всего «мифотворец и мифоман», а не «толкователь мифов», для

© Ильиных А. В., 2021

него «миф перерос жизнь». Отдельные литературоведы указывают на довлеющее значение в рамках творчества Кузнецова непосредственно православного дискурса, говоря о характерных для него чертах такого течения, как духовный реализм, и выбирая этот термин как более точный с точки зрения национального опыта русского народа. Так, В. А. Редькин отмечает: «Совершенно непродуктивен <в отношении русской литературы> термин “магический реализм“, предложенный Ю. Боровым и О. Овчаренко и перенесенный ими из латиноамериканского художественного опыта на русскую почву» [10, с. 72]. Следует оговориться, что используемый нами в дальнейшем термин «магический реализм», перекочевавший из художественной критики [3, с. 5] в литературоведение и кинематограф, рассматривается как явление, присущее мировой литературе в целом и приобретающее отдельные особенности в контексте национальных культур.

Роль магического реализма заключается в своеобразном способе отображения действительности, основанном на мифологическом восприятии реальности, «собранный» с помощью символов и мотивов в одно целое.

В отечественном литературоведении активно исследуются проблемы генезиса магического реализма и методов его применения (Ю. И. Кагарлицкий [5], А. А. Гугнин [3], О. Овчаренко [9], Е. Б. Скороспелова [11]). Истоки русского магического реализма исследователи видят в реалистической прозе XIX века и в литературных процессах начала XX века.

По характеристике Юрия Борева, направление магического реализма охватывает произведения, которые «обладают всеми чертами реализма (типизация, художественная правда, не противоречащая правдоподобию и раскрываемая в «формах самой жизни», правдивость и убедительность деталей и жизненных аксессуаров) и одновременно включают в себя волшебные эпизоды, полные сакрального, мистического или метафизического смысла» [2, с. 422].

В рамках данной работы мы проанализируем основные особенности реализации традиции магического реализма в творчестве Кузнецова.

1. Наличие двух пластов реальности (явного и скрытого), активно проникающих друг в друга, смешение элементов фантастического и обыденного; опора на фольклор и мифологию, причем национальный духовный и исторический опыт выступают в роли мотивировки сюжетных ситуаций и характеров, но при этом центральные мотивы являются универсальными и интеркультурными.

Как отмечает Ильинская, кажущаяся парадоксальность мировоззрения Кузнецова, связанная с неортодоксальным отражением аспектов христианства, повсеместными народнопоэтическими мотивами языческого толка и совмещением первых со вторыми, объясняется тем, что религиозное сознание поэта восходит к средневековью с его причудливым переплетением язычества и христианства, близкому и глубокому переживанию сакрального, тягой к эсхатологическим настроениям и мистицизму

[4, с. 55]. Обращение к корням и духу народа переплетается в творчестве Кузнецова с глубокими познаниями в области мировой культуры, построению диалога с представителями античной философии и европейскими мыслителями Нового времени. Там, где миф вступает в дело, стираются границы между национальными культурами и проявляются вещи непреходящие: борьба добра и зла в человеческой душе, защита вечных ценностей, отношения человека и природы.

Показательна в этом отношении поэма «Змеи на маяке», сюжет которой неожиданно для читателя из области сугубо бытовой переходит в сферу эсхатологически насыщенную. Приезд врача в поселение и осушение болота оборачиваются нашествием змей, в котором видится и месть природы за нерадивое отношение, и трактуемое по-христиански наступление сил мрака, и противостояние рациональных и иррациональных сил в человеке. Место действия охарактеризовано с опорой на фольклор как «лукоморье», однако со сказочными мотивами соседствуют и реально-бытовые: в поэме множество деталей, характеризующих нравы и внешность жителей, в канву народной речи, полной просторечный словоформ, проникают выражения, больше характерные для «ученого человека», врача, что на языковом уровне отражает противостояние иррационального и рационального в поэме. «Магическое» вторгается в реальность, но никто из жителей тому не удивляется: старик сторож призывает из вышины орла и «от скуки то с орлом, то сам собой маячит между небом и землей...» [6, т. 3, с. 219]. Однако при всем народном колорите и конкретно-бытовых деталях основные образы и мотивы в поэме интеркультурны: маяк как символ света, змеи как образ языческий (хтонические существа) и в то же время христианский (силы мрака), погружение мира во тьму, сила вводящего в безумие знания, противостояние природы и человека, света и мрака.

2. Сверхреальное, магическое содержание проявляется через искажение пространства посредством мотивов сна, смещения границ между реальным и ирреальным.

Мотивы сновидения пронизывают творчество Кузнецова на разных этапах его развития.

Неторопливый разговор с другом в стихотворении «Сонная беседа» превращается в беседу с Богом, и лирический герой впадает «в сон неодолимый», слушая его речи. Материальное событие, воспринимаемый поэтом политический и социальный переворот в России как «исчезновение» родной страны, отражается на духовном уровне через образ падающей звезды, а человеческий друг становится Другом Божественным. В состоянии печали и тихой тоски лирический герой ощущает, как на пространстве родной земли сходятся противоположности, не вызывая противоречий: поет языческий Лель и скрипит колыбель Бога, «свистит чертик» и «бормочет смерть-старуха». Но из дремоты героя вырывают мысли о судьбе России и зерно надежды на ее возрождение – хотя бы во

сне (в другом, более раннем стихотворении, использовано любопытное сочетание «русский сон наяву» [Там же, с. 7], намекающее на характерное для поэзии Кузнецова восприятие жизни как сновидения). Важным здесь в контексте нашего исследования является совмещение в пространстве сна факта реальности, политического и социального крушения России (как его видит поэт), и беседы с другом, переходящее из пространства сновидения в плоскость вечного, надвременного, где гармонично сосуществуют несовместимые для рационального сознания явления мистически-религиозного и мифологического толка.

Искажение пространства в поэзии Кузнецова также часто происходит посредством введения мотива отражения (зеркала). Миры по ту и по эту сторону зеркала сосуществуют, зазеркалье вторгается в реальную жизнь и овладевает умами людей.

В поэме «Дом» этому образу посвящена отдельная глава. В полуразрушенном во время войны доме на стене уцелело зеркало, в котором замелькали века – картины из русской истории. Вслед за этим возвращается из плена (фактически же проводник приводит его из мира зазеркалья) Иван, указывающий на реальную деталь: за зеркалом спрятан тайник. Все события, происходящие далее и отражающиеся в зеркале, случаются как бы вне времени и пространства, а под конец поэмы, после победы в войне, перед «зеркалом» оказывается, поднимая тост, сам Сталин. Здесь проявляется и еще одна существенная черта магического реализма: время в соответствии с поэтическим мироощущением является относительным и глубоко субъективным явлением (в поэме это характерно и для пространства).

Многогранный образ зеркала/отражения усложняется и тем, что присутствует в мире повсюду: это и привычное бытовое зеркало (поэмы «Дом», «Путь Христа», стихотворение «Испытание зеркалом»), и отражение на глади вод, и даже отражение в «темных-темных зрачках» Богоматери («Последнее искушение»). Поэт показывает, что зеркальными поверхностями для проникновения в мир и искушения людей пользуются «инфернальные силы».

3. Замещение взгляда писателя как человека высокой культуры и образованности взглядом наивного человека, непосредственно воспринимающего явную и скрытую действительность без попыток ее рационального объяснения.

В творчестве Ю. П. Кузнецова прослеживается нелюбовь к проявлению рафинированного интеллектуализма и индивидуализма в целом и даже восприятию их как инфернального помешательства, недаром единение поэт противопоставляет одинокому самопознанию (к примеру, в «зеркальных» стихотворениях «Свеча в заброшенной часовне» и «Преображенный храм»), а чистую веру – добытому путем «вдумывания» знанию. В произведениях его «выигрывают» в том или ином смысле герои,

не умудренные тяготами знаний высокой культуры и бесконечных размышлений (как пьяницы в рассмотренном ниже «Цунами»). Эти персонажи знают, как следует действовать, скорее интуитивно. И, пожалуй, наиболее индивидуализированный в этом отношении образ лирического героя – поэта не исключение, ведь в определенной степени он является медиатором воли Бога и воспринимает мир так же интуитивно и непосредственно (картина мира его так же мифологична, как и представления героев из народа, поэта тревожат эсхатологические видения, которые он воспринимает как истинное отображение реальности).

4. Элементы карнавальской эстетики, предполагающие присутствие одновременно «низкого», буффонного, смешного, и «высокого», серьезного и трагического.

Юмор и гротеск, свойственные многим произведениям Кузнецова, особо ярко проявляются в «Похождениях Чистякова» (с подзаголовком «Раблезианский гротеск»), «Антиподе», «Тайне Гоголя», «Цунами», «Превращении Спинозы», «В деревне» и др.

В контексте магического реализма наиболее показательным стихотворением «Цунами», где картина глобального разрушения, соотносимого с библейским потопом, сопровождается комическим спасением пьяниц поселка в жерле вулкана и описывается с активным использованием просторечий, фразеологизмов, гипербол и гротеска («Этот на карачках треплет тропку, / Тот ползет на собственных бровях»; «Доползли и в кратер заглянули, / Там собак полно, как в небе звезд» [6, т. 5, с. 281].).

На Курилах жизнь предстает полной чудес и местами совершенно алогичной. Понимающие это персонажи спасаются, а дед, что пытается остановить иррационально действующих пьяниц, погибает. Последние оказываются парадоксально гармоничны в курильской реальности, и царящее в произведении настроение представляет собой смесь апокалипсического трагизма и комизма. В экспозиции, задающей ирреальный сказочно-гротескный тон повествованию, в образах «тикающих» в недра вулкана пьяниц-чудаков, впоследствии перемешавшихся с собаками «в живой клубок» и спасшихся от кары Божьей, видятся черты народной смеховой культуры.

5. Генетически традиционный магический реализм в произведениях авторов восходит к народным верованиям и представлениям, к той части культуры народа, которая наиболее колоритно отражает его своеобразие и отличность от других культур. Однако магический реализм стремится не только к идентификации личности через призму ее мифологического сознания, но и к сравнению (а также внутреннему противопоставлению) ее мировосприятия с другим, возросшим на чужой культурной почве.

В связи с этим выходит на первый план характерная для творчества Кузнецова дихотомическая пара «родное/свое – чужое».

«– В этом мире погибнет чужое, / А родное сожмётся в кулак», – слышится лирическому герою стихотворения «Двое», а автор обращения

к другу из «Сонной беседы», упоминая «воплъ ни о чём и ни о ком», раздающийся издалека, обрывает возможные рассуждения о природе творящегося за «синим оком» хаоса спокойной и ясной мыслью: «Но там земля уже не наша», фактически ограничивая воспринимаемый и волнующий его мир пространством родины, вне которой он и не мыслит существования. Во «Днях очарования» героиня характеризует возможный ответ любимого фразой: «Гадала я, что скажет мне поэт: / Родное “да” или чужое “нет”?» – даже на таком банальном, бытовом уровне проявляется вплавленное в плоть поэзии Кузнецова противопоставление. «Родное» уподобляется приятию, утверждению, созиданию через простое, но такое важное для героини «да», а разрушение, крах надежд характеризуются через «чужое» отрицание. Так в картине мира Кузнецова родина сплавляется концептуально с миром и гармонией, а все, что располагается за ее пространством, – с хаосом и разрушением.

Поэзия Кузнецова основывалась на русских фольклорных мотивах, мифологическом сознании древних славян, глубокой православной вере при сохранении живейшего интереса к современности, что придавало ей неповторимый оттенок и выделяло поэта даже среди «тихих лириков». О себе Кузнецов говорил: «Конечно, <я> одинок. Стою я особняком от всех течений, но так как сегодня общество расслоилось, то я по духу своей поэзии отнесён к “русскому лагерю”. Просто так попадаю. Больше вроде бы некуда» [7, с. 263]. Несмотря на пронзительное ощущение одиночества и непонятости, которым пропитаны многие глубоко лиричные стихотворения поэта, Юрий Кузнецов творил в русле мировой литературной традиции, оставаясь при этом исконно русским поэтом. Хочется надеяться, что рассмотрение его творчества в русле магического реализма позволит исследователям ближе подойти к раскрытию «тайны» Кузнецова и примирит с ним наиболее враждебно настроенных критиков.

Список литературы

1. Анкудинов К. Н. Напролом: размышления о поэзии Юрия Кузнецова // Новый мир. 2005. № 2. С. 137–152.
2. Боров Ю. Б. Магический реализм // Теория литературы. Литературный процесс. М.: Наследие, 2001. С. 421–425.
3. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. 120 с.
4. Ильинская Н. И. Юрий Кузнецов: структура религиозного сознания поэта на пороге XXI века // Вестник Харьковского национального университета. Серия: Филология. 2004. Вып. 39. № 607. С. 53–57.
5. Кагарлицкий Ю. И. Что такое фантастика? М.: Худож. лит., 1974. 346 с.
6. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: в 5 т. М.: Литературная Россия, 2013.

7. Кузнецов Ю. П. Тропы вечных тем: проза поэта. М.: Литературная Россия, 2015. 720 с.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: в 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2003. 688 с.
9. Овчаренко О. Магический реализм // Теория литературы. М.: Наследие, 2001. Т. 4. С. 425–441.
10. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
11. Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века. М.: ТЕИС, 2003. 420 с.

YURI KUZNETSOV AND THE WORLD LITERARY PROCESS: THE POET'S WORK IN THE CONTEXT OF MAGICAL REALISM

A. V. Ilinykh

Tver State University

Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

Y. P. Kuznetsov is in many ways a complicated poet. Even during his life, the controversy around the place of his work in the national literary process did not subside. However, the value of his work, like the one of any talented poet, is not limited to the framework of exclusively Russian literature. Certain features of Y. P. Kuznetsov's poetry indicate the need to analyze it in the context of a literary phenomenon that is based on the intertwining of mythological, mystical and realistic types of hero's perception of the world – magical realism. This article deals with an analysis of specific poems and the general tendencies of Kuznetsov's work that include the elements of magical realism.

Keywords: *Y.P. Kuznetsov, Russian poetry of the XX century, world literature, magical realism, mythological consciousness, the motive of the dream, the image of the mirror, folklore motives, Christianity.*

Об авторе:

ИЛЬИНЫХ Анастасия Витальевна – аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.

About the author:

ILINYKH Anastasiya Vitalevna – Postgraduate Student at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.